

ЯРОМИР ЛИЧ

A movie poster featuring two men in dark coats walking down a foggy, cobblestone street in a European city. The man on the left has a beard and holds a knife. The man on the right wears glasses and carries a briefcase. In the background, there are dark, monstrous figures and a glowing green 'X' on a brick wall.

ОХОТНИК ТАЙНОЙ КАНЦЕЛЯРИИ. ЗАГАДКА ВАСИЛЬЕВСКОГО ОСТРОВА

Яромир Лич

Охотник Тайной канцелярии.

Загадка Васильевского острова

<https://litres.ru/74531218>

SelfPub; 2026

Аннотация

Васильевский остров — самое благопристойное место альтернативного Петербурга конца XIX века. По закону здесь разрешено легально жить «навъему люду»: оборотни держат мясные лавки, кикиморы шьют платья, а водяные заправляют в доках. Между людьми и нечистью царит хрупкий мир, скрепленный налогами Особого отдела.

Но этот сытый покой рушится, когда на туманных линиях Острова одного за другим находят задушенными чиновников Канцелярии. У всех жертв вырваны языки, а на коже выжжено Кощеево клеймо — знак запрещенного навъего культа, уничтоженного сто лет назад.

Следователь Родион Назаров и патологоанатом Илья Левковский спускаются в лабиринты Острова. Им предстоит заглянуть за благородные фасады купеческих домов, вычислить убийцу, меняющего лица, и узнать, какую цену нечисть платит за право жить среди людей. Капкан закрывается, а Кощеева тень уже легла на столицу.

Содержание

Глава 1. Пленник Пятой линии	4
Глава 2. Навий квартал	10
Глава 3. Ночь в купеческом доме	15
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Яромир Лич Охотник Тайной канцелярии. Загадка Васильевского острова

Глава 1. Пленник Пятой линии

Октябрьский туман на Васильевском острове напоминал разбавленное нежское молоко, в котором намертво увязали пролётки, вывески лавок и редкие пешеходы. Линии острова — прямые, прочерченные словно по линейке Петра — уходили в серую мглу, теряя свои очертания. Газовые фонари на Пятой линии горели тускло, отбрасывая на мокрую брусчатку блеклые зеленоватые круги.

Васильевский жил по своим часам. Здесь, за глухими фасадами купеческих домов, пахло не только петербургским дымом и дорогой колониальной бакалеей. Сквозь них отчетливо пробивался иной, тяжелый дух: сырого волчьего меха, болотной тины и сушеного багульника. Остров платил Империи огромные налоги за право считаться «благопристойным», и Тайная канцелярия строго следила, чтобы легальный навьей люд чтит законы людей.

До тех пор, пока эти законы не окропили кровью.

Родион Назаров пинком распахнул тяжелую створку ворот доходного дома на Пятой линии. На нем было новое суконное пальто, сменившее изодранную русалками драгунскую шинель, а под полой привычно угадывался тяжелый силуэт штуцера с посеребренным стволом. За ним, на ходу протирая платком запотевшие круглые очки, едва успевал доктор Левковский. Его левая рука, туго перебинтованная под рубахой, уже не болела, но серебряное клеймо на теле оставило глубокий след.

— Назаров, помилуйте, — доктор шумно выдохнул морозный воздух, семена по лужам подворотни. — Инспектор Канцелярии по надзору за нечистью... Задушен в собственном кабинете? На Васильевском? Да здешние оборотни молятся на наши охранные грамоты! Им бунт выгоден меньше, чем министерским кротам.

— Оборотни бывают разные, Илья Андреевич, — Назаров перехватил масляный фонарь, высвечивая крутую деревянную лестницу, ведущую на второй этаж, в квартиру чиновника. — Есть те, кто торгует говядиной на Андреевском рынке и платит подати. А есть те, кто помнит времена, когда Навь правила этой землей без оглядки на Петербург.

У дверей квартиры инспектора Волина уже топтались двое перепуганных жандармов. Сургучные министерские печати на косяке были целы. Замок — массивный, английский, с секретом — не имел ни единой царапины.

— Вскрывайте, — коротко бросил Родион.

Один из жандармов повернул тяжелый ключ. Дверь подавалась с сухим, неохотным скрипом. Изнутри мгновенно потянуло леденящим, могильным холодом и резким, удушливым запахом горелой кости и болотного дегтя. Левковский невольно прижал к носу надушенный ментолом платок, а Назаров сразу взвёл курок штуцера, шагая в полумрак прихожей.

Кабинет инспектора Волина был погружен в глухую тишину. На столе ровными стопками лежали налоговые реестры навших лавок Острова, горела, оплывая, толстая восковая свеча. Сам инспектор сидел в глубоком кожаном кресле перед камином, откинув голову назад.

Его лицо, обыкновенно румяное и сытое, теперь было мертвенно-серым, покрытым тонкой ледяной корочкой. Открытые стеклянные глаза смотрели в потолок с выражением дикого, запредельного ужаса.

Левковский быстро подошел к креслу, поставил свой саквояж на стол и аккуратно коснулся шеи Волина бледными пальцами хирурга.— Трупное окоченение выражено слабо, смерть наступила около двух часов назад. Следы удушения... Странно. Механическая асфиксия, но кровоподтеков на коже нет. словно шею сжали не руками, а... туманом.

Доктор осторожно надавил на челюсть покойника, заставляя его рот приоткрыться, и резко отпрянул, едва не уронив очки.— Господи... У него вырван язык. Причем под ко-

рень. Но кровотечения не было. Рана прижжена... выжжена изнутри.

Назаров не слушал медицинские выкладки. Сыщик подошел к трупу сбоку и с силой рванул накрахмаленный воротник министерской сорочки Волина, с треском выдрав пуговицы. Жандармы у двери испуганно ахнули.

Прямо на груди инспектора, в районе сердца, на бледной коже горел свежий, сочащийся ядовито-зеленой фосфорической гнилью знак. Две перекрещенные кости, оплетенные корнями багульника, а в центре — острый, хищный шип. Знак не просто был нарисован — он вьелся в плоть, обугливая края раны, и от него в разные стороны, точно змеи под кожей, расходились тонкие черные вены.

Медальон Тайной канцелярии на груди Назарова мгно-

венно отозвался резким, пульсирующим жаром. Шрам на его собственном запястье слабо заколол сухим теплом.

— Кощеево клеймо, — тихо, но с леденящей душу твердостью произнес Родион, опуская штуцер. — Древний навьей культ Бессмертного. Особый отдел Тайной канцелярии уничтожил его последнее гнездо под Смоленском еще в прошлом веке. Во всяком случае, так было написано в архивах.

— Но это биологически невозможно, Назаров! — Левковский наклонился к самой ране, замороженно глядя на светящуюся зеленую жижу. — Состав, которым выжжено клеймо... это концентрированный навьей сок, смешанный с мертвой водой. Такое умеют варить только высшие перевертыши. Те, кто умеют менять лица.

Вдруг настенные часы в кабинете Волина со звоном остановились. Стрелки замерли на цифре «два».

В ту же секунду за плотно закрытым и заколоченным на зиму окном, прямо в тумане Пятой линии, раздался странный, протяжный звук. Это был не лай бродячей собаки и не крик птицы. Кто-то тихо, утробно выл на одной ноте, и в этом вое Назаров отчетливо расслышал насмешливые, зловещие интонации человеческого голоса. Туман за стеклом на секунду колыхнулся, приняв очертания огромного человеческого силуэта с одним единственным, ярко горящим желтым глазом.

— Охота началась, доктор, — Назаров резко повернулся к выходу, перехватывая штуцер. — Бросайте свои реестры.

Кощей пришел забрать Васильевский остров обратно в Навь.
И инспектор был только первым.

Глава 2. Навий квартал

Андреевский рынок в сумерках походил на потревоженный муравейник, спешно прячущий свои тайны в серую петербургскую мглу. Днем почтенные петербурженки покупали здесь парное мясо у широколобых, добродушных лавочников, а гимназисты бегали за сладкими пирогами к словоохотливым торговцам. Но стоило солнцу сесть за Финский залив, а Пятой линии утонуть в липком невском тумане, как рынок сбрасывал человеческую маску.

Родион Назаров шёл по центральным рядам, тяжело опираясь на трость с утяжеленным набалдашником — штуцер он пока оставил под сиденьем пролётки, чтобы не поднимать панику раньше времени. За ним, кутаясь в суконное пальто и поминутно поправляя очки, семенил Илья Левковский.

Вокруг них кипела совсем другая, тайная жизнь Острова. Крупный, обросший жестким серым волосом мясник — в котором Назаров сразу признал перевертыша-медведя — с глухим рыком вонзал тяжелый тесак в баранью тушу, ворочая огромными желтоватыми клыками. Чуть дальше бледная, иссохшая кикимора в накрахмаленном чепце ловко перебирала длинными, покрытыми зеленоватой чешуёй пальцами рулоны дорогого шелка, шипя на забившегося в угол подмастерье.

Но сегодня в Навьем квартале не было привычного купе-

ческого шума. Торговцы перешептывались, испуганно озираясь на каждый шорох, а при виде серебряного медальона Тайной канцелярии на груди Назарова и вовсе спешно опускали тяжелые железные ставни лавок. Остров дышал страхом.

Сыщики остановились у добротной деревянной вывески: «Мясная лавка братьев Суховых». За прилавком, обтирая окровавленные руки засаленным фартуком, стоял приземистый, широкоплечий мужчина с густыми сросшимися бровями и тяжелой челюстью. Это был Порфирий Сухов — старый вервольф, державший в кулаке всех оборотней Васильевского острова.

— Особый отдел, Порфирий, — негромко произнес Назаров, останавливаясь у прилавка. — Прячь клыки и давай поговорим.

Оборотень сердито зыркнул на сыщика, его ноздри хищно затрепетали, улавливая запах пороха и святого серебра, исходивший от Родиона. — Не вовремя ты, благородие, — глухо прорычал Сухов, не сбавляя шага и продолжая рубить мясо. — Мы законы Империи чтим. Водяной сбор уплачен, жандармам за тишину отдали. Чего еще Канцелярии надобно?

— Инспектора Волина два часа назад нашли на Пятой линии, — Назаров шагнул ближе, так, чтобы его слышал только мясник. — Задушен в запертом кабинете. Язык вырван. А на груди — свежее, сочащееся навьим ядом Кощеево клеймо.

Тесак со страшным грохотом сорвался из рук Порфирия и глубоко вонзился в дубовую колоду для рубки мяса. Старый вервольф мгновенно побледнел, его зрачки сузились, превратившись в две вертикальные звериные щелки, а по густым волосам на руках пробежала судорожная дрожь. Человеческая личина на секунду едва не сползла, обнажая серую волчью шерсть на скулах.

— Святые угодники... — едва слышно прохрипел Сухов, испуганно оглядываясь на туманную улицу за пределами рынка. — Кощей... Значит, старые слухи не врали. Одноглазый вернулся.

— Какое Лихо, Порфирий? Говори толком, — Левковский подался вперед, вытаскивая из кармана карандаш и маленькую записную книжку. — Мы зафиксировали на месте

преступления следы едкого состава на основе мертвой воды. Человеку такое не сварить.

— Да какой человек, доктор! — вервольф яростно схватил Назарова за рукав пальто, притягивая к себе. От него разило сырым звериным потом и паникой. — На Острове паника, Назаров! Здешние навьи из купеческих семей от страха хвосты прижали. Сто лет назад, когда Канцелярия жгла гнезда сектантов под Смоленском, их главный палач — Лихо Одноглазое — выжил. Это древний перевертыш, меняющий лица. Он принимает облик любого, кого ты знаешь. Твоего брата, твоего кучера, твоей жены... Он ходит среди нас на Острове, Назаров! Он выжигает клеймо Кощея на тех, кто предал старую веру и пошел на службу к вашему царю! Волин был первым, но он не последний.

— Кого еще он ищет? — Родион перехватил руку оборотня, шрам на его собственном запястье отозвался резким, предупреждающим уколом тепла.

— Купца Еремеева с Седьмой линии, — прошептал Сухов, его челюсть мелко задрожала. — Он дает золото на постройку наших лавок, он главный посредник между Островом и министерством. Еремеев знает, где хранится древняя Игла, запечатавшая Исток Бессмертного под Петербургом. Если Лихо примет его лицо... Остров утонет в крови, Назаров. Бегите к нему. Бегите, пока туман полностью не закрыл Седьмую линию...

В этот момент где-то на окраине рынка, со стороны тем-

ных складов, раздался жуткий, пронзительный собачий вой, который внезапно перешел в утробный, булькающий человеческий хохот. Газовый рожок над лавкой Сухова с сухим треском погас, и туман с Андреевского рынка мгновенно хлынул внутрь помещения, принося с собой ледяной запах горелой кости.

Глава 3. Ночь в купеческом доме

Особняк купца первой гильдии Еремеева на Седьмой линии Васильевского острова раскинулся массивным каменным монолитом. Фасад здания, украшенный тяжелой лепниной, тонул в густом приливном тумане. Внутри дома царила гнетущая, давящая тишина. Слуг купец распустил еще за светло, забаррикадировав дубовые ставни окон железными засовами.

Сам хозяин дома, тучный мужчина с окладистой бородой, одетый в дорогой суконный кафтан, сидел за столом в гостиной. Его пальцы, унизанные перстнями, судорожно сжимали тяжелый серебряный крест.

— Защитите, барин... — беспрестанно крестился Еремеев, испуганно глядя на Родиона Назарова. — Одноглазый не пощадит. Я ведь для их общины сколько добра сделал! Рынок Андреевский отстроил, лавки их не трогал... А они мне Кощееву метку сулят!

— Вы стали слишком удобным мостом между Навью и министерством, Еремеев, — Назаров стоял у дверей, лениво проверяя затвор тяжелого штуцера. На его бледном лице не было жалости. — А культу мосты не нужны. Им нужна Игла. Где она спрятана?

Купец испуганно сглотнул, покосившись на Левковского, который в углу комнаты методично протирал спиртом хи-

рургические зажимы.— В подвалах Академии наук... Под самым фундаментом. Древний гранитный шпиль, заговоренный еще при первом прокуроре Канцелярии. Если Лихо уничтожит его — Исток Бессмертного вырвется наружу. Остров уйдет под воду Невы за один час!

Вдруг пламя свечей на массивной люстре неестественно вытянулось вверх и разом погасло.

Гостиную затопила крошечная, ледяная тьма. В ту же секунду из коридора донесся тихий, влажный шорох, похожий на шаги босых ног по склизкому речному илу. Назаров мгновенно вскинул штуцер, шрам на его запястье зажегся невыносимым, обжигающим жаром. Медальон Канцелярии на груди Родиона раскалился добела.

— Левковский! Сомкнуть кольцо вокруг купца! — крикнул Назаров, делая шаг в темноту коридора. — Доктор, ответьте!

— Я здесь, Родион! У каминного портала! — раздался уверенный голос Левковского из темноты слева.

Назаров медленно двигался по паркету, выставив ствол штуцера вперед. Туман выползал из-под дверей, заполняя комнату по колено сладковатым смрадом горелой кости и багульника. Вдруг из серой мглы прямо перед ним проступил знакомый силуэт. Круглые очки в тонкой оправе тускло блеснули в полумраке, Левковский шел прямо к нему, держа в руке медицинский скальпель.

— Родион, я нашел след, — тихо, с привычным петербург-

ским акцентом произнес доктор. — Тварь ушла на чердак. Надо проверить.

Назаров уже готов был опустить оружие, но шрам на его запястье внезапно пронзило такой адской, сухой судорогой, что сыщик едва не выронил штуцер. Святое серебро на его медальоне отозвалось глухим, предупреждающим звоном.

Родион присмотрелся. Левковский перед ним двигался безупречно, но его левое плечо... оно не было перебинтовано. На нем не было той плотной медицинской повязки, которую Назаров самолично накладывал в лаборатории после битвы с русалками. И у этого доктора Левковского на лице горел один-единственный, огромный желтый глаз без век, бешено вращающийся прямо посреди лба.

— Морок! — рявкнул Назаров, мгновенно нажимая на спуск.

Выстрел штуцера разорвал тишину особняка оглушительным грохотом. Тяжелая серебряная пуля попала лже-Левковскому прямо в грудь. Но вместо крови из раны хлынула густая изумрудная гниль. Существо дико, по-птичьи закричало, и его человеческая личина начала стремительно плавиться и сползать. Доктор Левковский на глазах превратился в гигантскую, иссохшую серую тень с длинными костлявыми руками и острыми когтями.

Лихо Одноглазое совершило яростный, затяжной прыжок вверх, с треском пробивая тяжелые дубовые портьеры окна. Осколки стекла лавиной посыпались на мостовую Седьмой линии.

Из глубины темного угла гостиной раздался сдавленный крик купца Еремеева. Назаров рванулся назад, чиркнув спичкой. На полу, прямо перед камином, лежал купец. Его язык был вырван под корень, а на груди, прожигая дорогой суконный кафтан, сочным изумрудным светом уже занималось свежее Кощеево клеймо. Рядом с телом, тяжело дыша и сжимая карабин, стоял настоящий доктор Левковский — бледный, с перевязанным плечом. Он опоздал всего на секунду. Тварь перехитрила их, использовав лицо доктора как живой щит. Капкан культа закрылся, и теперь сыщики Тай-

ной канцелярии остались один на один с меняющим лица палачом посреди замерзающего, безмолвного Васильевского острова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.